

НА ПУТИ К НОВОЙ КОРПОРАТИВНОСТИ: ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИЙ В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Е. А. РОСТОВЦЕВ, И. В. СИДОРЧУК

Аннотация: Исследование посвящено вопросу защиты ученых степеней в период их законодательной отмены, с 1918 по 1934 г. Авторы сконцентрировали внимание на вопросе о причинах сохранения ритуалов защит в новых условиях, особенностях их организации, обстоятельствах постепенного возврата к официальным практикам присвоения степеней и, наконец, наиболее важных различиях процедур защит 1930-х гг. с дореволюционными. Источниковую базу составили архивные материалы ряда советских университетов и академических институтов, а также различные эго-документы представителей академического сообщества и периодика, что позволило реконструировать процедуру защиты в рассматриваемый период. Кроме этого, активно привлекались законодательные источники, регулирующие процедуру подготовки советских научных кадров и, в частности, присвоения ученых степеней. В результате сделан вывод о том, что речь может идти скорее о внешнем сходстве системы дореволюционных и советских защит. Присвоение степеней все так же играло роль стимула научной карьеры, однако значительная часть полномочий, связанных с его регулированием, у научного сообщества изымалась. Процесс «предзащиты», где по-прежнему принимались основные решения о судьбе работы, перестал быть исключительно корпоративным делом профессорской коллегии. Кроме этого, появлялся идеологический контроль за содержанием диссертационного иссле-

дования. Еще одним важным отличием стало то, что диссертация, по существу, стала закрытой для широкой публики, а диспут в значительной степени утратил черты театрального представления, которое давала университетская корпорация для общества в предшествующий период. В результате из корпоративного ритуала, ограждавшего академическую автономию научного сообщества в дореволюционный период, присуждение степеней превращалось в средство контроля над ним и инструмент государственной политики. Однако это превращение не было полным, ему препятствовала сама природа науки как социальной практики, сохранявшей определенную автономию от общественно-политического режима.

Ключевые слова: история высшей школы, Петроградский/Ленинградский университет, защита диссертаций, университетская культура, история науки, антропология науки, советизация высшей школы, ученые и власть.

В фокусе настоящей статьи находится ряд ключевых вопросов, связанных с функционированием раннесоветской науки, ее взаимоотношений с политическим режимом. Этатизм формировавшейся системы, ее претензии на контроль и регулирование различных сфер жизни общества угрожал многолетним корпоративным традициям профессионального академического сообщества. В частности, речь идет о процедуре присвоения ученых степеней, законодательно отмененных уже в 1918 г. Равно как и в ряде других аспектов взаимоотношений ученых и власти в первые послереволюционные годы, здесь профессиональное сообщество проявило стремление к сохранению прежних порядков, тем более что власть, отменяя привычную модель, не предложила новой.

В рамках настоящего исследования была предпринята попытка ответить на вопросы о причинах сохранения ритуалов защит даже после законодательной отмены ученых степеней, особенностях практик защит в раннесоветское время, мотивах власти при постепенном возврате к официальным практикам присвоения степеней и, наконец, наиболее важных различиях процедур защит 1930-х гг. с дореволюционными. Представляется, что обращение к данной проблематике будет способствовать раскрытию такого многоаспектного и комплексного явления, как научная политика советской власти в межвоенный период, а также пониманию особенностей складывания советской модели организации науки.

Диспуты вопреки всему: защиты в условиях ликвидации ученых степеней

В дореволюционном университете ключевым для успеха диссертации был допуск к публичной защите на закрытом заседании факультета университета, к которому не допускались ни сам кандидат на степень, ни власть, ни общество. Публичная же защита диссертации имела значение скорее в качестве социально важного обряда корпоративной инициации, демонстрирующего общественное значение корпорации. Обретение ученой степени было тем фильтром, который не допускал в корпорацию (или по крайней мере в ее руководящие органы) «чужаков»¹.

¹ См.: Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета) //

Уже в первые послеоктябрьские дни жизнь университетов, и без того затронутая политической турбулентностью эпохи, претерпела существенные изменения. Это сказалось и на практиках защиты диссертаций. Показателен случай П. Г. Любомирова, защищавшего свою магистерскую работу на тему «Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» в декабре 1917 г. Его описание встречаем в дневнике супруги историка С. Ф. Платонова Н. Н. Платоновой: «Недавно Браун говорил С[ергею] Ф[едоровичу], что унив[ерситет]ские сторожа оказались такой сволочью, к[а]к нельзя было и ожидать: обнаглели до цинизма, напр[имер] в охране унив[ерситетски]х зданий принимает участие вся живущая там интеллигенция, а низшие служащие отказались: нам охранять и защищать нечего. В это воскресенье должен быть диспут Любомирова — если служители согласятся открыть унив[ерсите]т. Недавно нужно было спешно послать из унив[ерсите]та пакет; секретарь сказал: я попробую, но не знаю, согласится ли к[то]-н[ибудь] из сторожей отнести его»².

Надо отметить, что в условиях краха старого культурного мира защиты диссертаций не только являлись важными корпоративными практиками, но, на наш взгляд, были также уходом от суровой действительности, формой социального абсентеизма для научной элиты, не принявшей большевиков и изо всех сил стремившейся сохранить привычный уклад и ценностные ориентиры. Это видно уже на примере одной из первых послереволюционных защит, состоявшейся за полгода до законодательной отмены степеней и званий. Речь идет о первой в истории российской науки защите женской докторской диссертации О. А. Добиаш-Рождественской «Култ св. Михаила в латинском средневековье. V–XIII века», состоявшейся в апреле 1918 г. в Петроградском университете. Она стала возможной благодаря тому, что докторантка абстрагировалась от бурных политических событий и полностью сконцентрировалась на своей работе. Как замечала газета «Петроградский голос», «октябрь и ноябрь, в самые бурные дни, она сидела в литографии, блюдя за воспроизведением своего труда под постоянной угрозой реквизиции, ухода рабочих, погрома и пр.»³. Защита стала символом сохранения науки, манифестацией «неистребимого научного духа»⁴.

Власть воспринимала защиты диссертаций как социально чуждые и неподконтрольные явления. К осени 1918 г. уже в полной мере определяются идеологические и «классовые» основания проектируемой большевиками реформы, в задачу которой входят удар по «сановникам» от науки и отказ от системы «привилегий и преимуществ, присвоенных в буржуазном обществе науке» и «создавшей из ее представителей сплоченную корпорацию, пропитанную резким кастовым духом»⁵. Один за другим принимаются решения, последовательно ограничива-

Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 452–472; Иванов А. Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века: Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.

² Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 298.

³ Докторский диспут в университете // Петроградский голос. 1918. 23 апр. № 66. С. 4.

⁴ На диспуте О. А. Добиаш // Наш век. 1918. 23 апр. № 80 (104). С. 3.

⁵ О реформе деятельности ученых учреждений и школы высших ступеней Российской Социалистической Федеративной советской республики. Объяснительная записка // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6–8. С. 18–19.

ющие прежние «права университетов» — декрет СНК об упразднении ученых званий и степеней, новой системе должностей и порядке выборов (1 октября 1918 г.)⁶, закон, принятый ВЦИК в ноябре того же года под названием «Положение о единой трудовой школе»⁷, и ряд других⁸. Отменой степеней власть, в числе прочего, сокрушала цензовый барьер, ранее тщательно охраняемый старой академической элитой, открывая дорогу в ряды вузовского преподавательского корпуса «красным» профессорам, многие из которых ранее являлись участниками революционного движения. Только в Петроградском университете снятие барьера способствовало университетской карьере целой плеяды крупных ученых, ранее занимавших маргинальное положение в российской науке. Среди них — философ, историк, социолог Николай Николаевич Андреев (1876–1954); историк рабочего класса и революционного движения в России Михаил Соломонович Балабанов (1873–1939); публицист, правовед, историк освободительного движения Василий Васильевич Водовозов (1864–1933); историк литературы Василий Алексеевич Десницкий (Строев) (1878–1958); деятель еврейского национального движения и историк евреев в России Григорий Яковлевич Красный-Адмони (1881–1970); известный историк печати и освободительного движения Михаил Константинович Лемке (1872–1923); историк России, специалист по истории политических партий Моисей Яковлевич Острогорский (1854–1921); другой крупный историк России, яркий представитель марксистской историографии Николай Александрович Рожков (1868–1927); философ-марксист и историк философии Михаил Васильевич Серебряков (1879–1959); крупнейший историк-марксист, занимавшийся огромным кругом вопросов от Античности до истории России Александр Ильич Тюменев (1880–1959); экономист Александр Юрьевич Финн-Енотаевский (1872–1943); философ-марксист Эдуард Эдуардович Эссен (1879–1931), и другие.

При том, что законодательно устоявшаяся модель защиты диссертаций была разрушена, это не привело к свертыванию «привычных норм научного быта»⁹. Лица, имевшие степени, их не лишались, и упоминание степени могло присутствовать в официальных изданиях с информацией об ученых¹⁰. Более того, дис-

⁶ Декрет Совета народных комиссаров о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской социалистической федеративной советской республики // Декреты советской власти. Т. III. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 381–382.

⁷ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. № 812. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026–1030.

⁸ См.: От комиссариата народного просвещения, 2 ноября 1918 г., копия // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 12. Л. 74–75; Fitzpatrick S. The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 68–88.

⁹ Гришина Н. В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг.: становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина) // Харківський історіографічний збірник. 2014. № 13. С. 50.

¹⁰ См., напр.: Наука и научные работники СССР: справочник / Акад. наук СССР; сост. комис. «Наука и науч. работники СССР» под наблюдением и непосредств. рук. С. Ф. Оль-

пути продолжали проводиться вопреки советским правительственным установлениям. Однако, разумеется, единых правил организации таких неофициальных мероприятий не существовало, равно как и формальных последствий для карьеры диссертанта. Скорее речь шла о признании среди коллег и предположении, что неопределенность эпохи закончится и наступит возврат к прежним нормам. Проводились они по возможности в стилистике предреволюционной эпохи, однако с очевидным отходом от стандартов защиты в императорских университетах. Определенного числа оппонентов не было, требований к выступлениям тоже, в напечатанном виде работу представлять не требовалось, только в машинописном, в результате чего, по выражению С. А. Жебелёва, защиты носили «домашний характер»¹¹. Например, о сохранении дореволюционной структуры защиты можно говорить применительно к случаю Н. П. Оттокара в 1921 г.¹²

Широкую известность, в том числе и благодаря самому диссертанту, получила подобная защита П. А. Сорокина в апреле 1922 г. На тот момент он уже возглавлял кафедру социологии в Петроградском университете и выпустил ряд крупных исследований, включая «Систему социологии», но не имел даже степени магистра. После вступительного слова диссертанта выступили три официальных оппонента и два неофициальных. В условиях отмены ученых степеней по итогам защиты профессор И. М. Гревс сделал заявление о том, что работа признана удовлетворительной и цель диспута была достигнута. Стоит также отметить сохранение публичности диспута, то есть присутствие на нем публики¹³. При этом признание работы достойной степени, как и раньше, определялось не диспутом, а принималось до этого. В случае П. А. Сорокина — Историческим исследовательским институтом при Петроградском государственном университете. Несмотря на всю неофициальность, получение степени было важно как в плане приверженности традициям и корпоративным нормам, так и при возможном продолжении карьеры за границей, что в итоге и случилось¹⁴. Однако до поры до времени призывы ученых старой школы, например В. М. Бехтерева¹⁵, о возвращении официального статуса степеням и защитам, оставались неслышанными со стороны власти.

денбурга, Е. Ф. Карского. Л., 1925—1934. Ч. 4: Научные работники Москвы: с приложением перечня научных учреждений Москвы. 1930; Ч. 6: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. 1928.

¹¹ Жебелёв С. А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 3. М., 2002. С. 161.

¹² См.: Ключев А. И. Из истории одной книги. Н. П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 253.

¹³ См.: Емельянов Б. В. Питирим Сорокин и его диссертация по социологии: Историко-философский очерк // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 163—165.

¹⁴ См.: Долгова Е. А. «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П. А. Сорокина в 1922 г. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. М., 2016. С. 254—258.

¹⁵ См.: Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920—1930-е годы. М., 2020. С. 89.

Практики защиты во 2-й половине 1920-х гг.

Итак, большевики отменили привычную систему защиты и присуждения ученых степеней, то есть сделали важный шаг в сторону разрушения существовавшей традиции и академической иерархии. Однако при этом на начальном этапе они не смогли ничего предложить взамен, что оставляло надежду на возвращение к старым порядкам. О необходимости возобновления практики присуждения степеней профессиональное ученое сообщество стало заявлять с середины 1920-х гг.¹⁶ Первым значительным шагом в этом направлении стало введение аспирантуры в 1925 г. Одновременно все дело подготовки научных кадров возлагалось на Государственный Ученый Совет (ГУС)¹⁷. Это вносило централизованное плановое начало в организацию подготовки научно-педагогических кадров¹⁸. Со второй половины 1920-х гг. дискуссии о восстановлении ученых степеней начинаются и в среде «красной профессуры»¹⁹.

Государство искало эффективные формы контроля процесса подготовки новых представителей ученого сообщества, должных прийти на смену дореволюционным кастовым порядкам, когда исключительно корпорация определяла научное будущее соискателя степени. Аспирант, как и в прежнее время, должен был периодически отчитываться о своей работе, однако теперь это было в форме докладов и ежегодных письменных отчетов, то есть повышалась степень формализованности. Начиная со второго года вводилось обязательное ассистирование на практических занятиях в вузах. Ключевой новацией раннего советского времени стало «изобретение» научного руководителя, т. е. лица, на которого формальным образом возлагалась ответственность за подготовку работы и ее результат. Не позднее четвертого полугодия аспирант «по соглашению с руководителем — членом Института или по утверждению предметной Комиссии (в ВУЗ'ах)» выбирал «тему самостоятельного научно-исследовательского труда», работу по которой требовалось окончить к концу третьего года обучения. По истечении срока оставления совет института или предметная комиссия (в вузах), основываясь на результатах рассмотрения отчетов и докладов аспиранта, выносила суждение о допущении к устной защите. Таким образом, публичная защита продолжала оставаться формальностью — решение о соответствии работы необходимым требованиям принималось до этого. Защита работы производилась в открытом заседании предметной комиссии. Вопрос об апробации или отклонении работы должен был теперь рассматриваться «в закрытом заседании Совета Института или Президиума факультета по заключению предметной

¹⁶ См.: Алеврас Н. Н. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защиты в 1930-х — начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 341.

¹⁷ Положение о руководстве делом подготовки научных работников (Утверждено Президиумом Коллегии Наркомпроса 30 июня 1925 г.) // Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР. 1925. № 30. С. 17–18.

¹⁸ См.: Цеховой Н. П. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е — 1991 г.): региональный опыт. Томск, 2016. С. 20.

¹⁹ См., напр.: Волгин В. П. Об установлении единой ученой степени // Научный работник. 1926. № 6–7. С. 22–30.

комиссии по принадлежности». Их решение представлялось в ГУС вместе с отзывами о педагогической работе аспиранта. Если ГУС утверждал кандидатуру, то аспирант получал право занять должность научного сотрудника 1 разряда в НИИ или право преподавания в вузе²⁰.

В официальных речах эти нововведения получали положительную оценку. Например, в 1928 г. проректор по научно-учебной части Ленинградского университета А. А. Иванов, специалист в области механики и астрономии, писал: «Подготовка научной смены впервые является для нас боевым фронтом. Здесь мы уже кое-что имеем и, в частности, выдвинутый нами порядок защиты аспирантами диссертаций (на открытых заседаниях советов Университета) принят Главпрофобром, как правило для всех ВУЗ'ов»²¹.

Рассмотрим, как на практике реализовывались данные законодательные нормы на примере Государственного института истории искусств. Аспирантура начала в нем действовать с 1 января 1926 г., поэтому первые аспиранты защищались в 1929 г. Согласно отчету о деятельности Института за 1928/1929 г., «из числа окончивших аспирантуру в истекшем году штатных аспирантов 6 человек представили и защищали в срок свои аспирантские диссертации». Таким образом, в ситуации упразднения степеней использовался термин «аспирантская диссертация». Все защитившиеся были избраны научными сотрудниками 1-го разряда²².

Среди первых защитившихся в Институте был В. Я. Пропп. Согласно протоколу ученого совета Института от 8 февраля 1929 г., его работа «Морфология русской волшебной сказки» была защищена в открытом заседании литературного отделения 16 января. На работу представили отзывы В. М. Жирмунский и академик В. Н. Перетц. После этого совет отделения избрал В. Я. Проппа научным сотрудником 1-го разряда, с чем согласился ученый совет Института²³. Также в 1929 г. в Институте защищался писатель Вениамин Каверин. В качестве диссертации он представил свою книгу «Барон Брамбеус», посвященную известному профессору Петербургского университета, востоковеду и журналисту 1820—1840-х гг. Осипу Ивановичу Сенковскому²⁴. У Каверина было три оппонента: Ю. Г. Оксман, Б. М. Эйхенбаум и В. В. Сиповский. Они обстоятельно и, по признанию самого В. Каверина, по делу критиковали работу, однако в итоге она была признана удовлетворительной. Как и в дореволюционный период, защита была длительной (4 часа) и публичной процедурой, на которой присутствовало

²⁰ См.: Инструкция о порядке подготовки научных работников при Научно-исследовательских институтах и ВУЗ'ах по прикладным, точным и естественным наукам // Ежегодник Народного комиссариата просвещения РСФСР. 1925. № 30. С. 18—19.

²¹ Три вопроса (С производственного совещания) // Студенческая правда. 1928. № 8. 15 марта. С. 1.

²² Отчет о деятельности Гос. Института Истории Искусств за 1928/1929 год // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-82. Оп. 3. Д. 39. Л. 13.

²³ Протокол Ученого совета Государственного Института истории искусств № 2. Заседание 8 февраля 1929 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-82. Оп. 3. Д. 43. Л. 15 об.

²⁴ Каверин В. А. Барон Брамбеус. Л., 1929.

множество слушателей²⁵. Научным сотрудником 1-го разряда диссертанта избрали на заседании ученого совета 24 мая 1929 г.²⁶

Пример защиты докторской диссертации, которая прошла в стенах Ленинградского университета, можно встретить в воспоминаниях Д. С. Лихачева: «Защиты докторских диссертаций совершались условно. Оппоненты заключали свои выступления так: “Если бы это была защита, я бы голосовал за присуждение...” Защита называлась диспутом»²⁷. Особенно ему запомнилась «защита» В. М. Жирмунского по книге «Пушкин и Байрон», состоявшаяся в 1924 г. Она прошла торжественно, в актовом зале университета, а после диссертанту аплодировали и дарили цветы²⁸.

Таким образом, можно констатировать, что первые защиты конца 1920-х гг. в основных моментах повторяли стиль дореволюционной эпохи. Отличием было то, что аспирант был более подотчетен и подконтролен учреждению, в котором готовил работу. От него требовались более обстоятельные отчеты как о научной деятельности, так и о педагогической практике. При всем сохранении традиций нововведением было назначение квалификационной комиссии. Она принимала решение по итогам защиты, а также присуждению «соискателю прав в области самостоятельной научной работы и преподавания»²⁹.

Еще одной особенностью было влияние марксистизации науки на жизнь аспирантов, обязательные доклады которых стали оцениваться в том числе и на предмет соответствия все более агрессивно утверждавшимся в науке идеологическим нормам³⁰. Обсуждения диссертации стали включать в себя требования соответствия марксистским канонам (цитирование классиков, внимание к классовой борьбе и пр.). Это видно на примере защищавшихся в это время историков Н. М. Дружинина³¹ и В. В. Мавродина, которым приходилось демонстрировать отказ от «контрреволюционной литературы», включавшей и труды многих их старших коллег³².

Большевики с первых дней прихода к власти не скрывали, что принятие их идеологических установок — необходимое для представителей ученого сообщества условие работы и развития. С середины 1920-х гг. руководство Наркомата просвещения стало открыто давать понять, что новое поколение ученых-марксистов, окончивших аспирантуру, должно похоронить старую науку, и таким был поставленный ему социальный заказ³³.

²⁵ См.: Каверин В. Как я защищал диссертацию // Каверин В. Литератор. Дневники и письма. М., 1988. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/BRAMBEUS/ADD_01.HTM (дата обращения: 10.11.2023).

²⁶ Протокол Ученого совета Государственного Института истории искусств от 24 мая 1929 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-82. Оп. 3. Д. 43. Л. 19 об.

²⁷ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 109–110.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ Гришина Н. В. Указ. соч. С. 56.

³⁰ См.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х гг. // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М., 2014. С. 569–571.

³¹ См.: Гришина Н. В. Указ. соч. С. 56.

³² См.: Там же; Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001. С. 13–14.

³³ См.: Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. С. 43.

Более или менее регулярное преподавание основных дисциплин политминимума (включая диамат, политэкономию и историю РКП (б)/ ВКП (б)) на всех факультетах началось в 1924/25 учебном году. Тогда же был введен и экзамен по диамату для аспирантов. Однако отношение многих экзаменуемых к нему было весьма скептическим, что они и не пытались скрывать. Например, математик А. А. Марков (в будущем член-корреспондент Академии наук) на «вопрос экзаменатора, что представляет собой философия диалектического материализма, ответил: — Смесь тривиальностей и бессмысленностей»³⁴.

В этом контексте идеологической работе среди аспирантов, будущих советских ученых, стало придаваться исключительно важное значение, что нашло отражение в работе всех научных учреждений. Например, на заседании Совета Российской академии истории материальной культуры 1 ноября 1926 г. ее руководитель Н. Я. Марр указал на следующие замечания по отчетам о работах аспирантов в 1925/26 гг.: «1) недостаточная выявленность руководства работами аспирантов со стороны научного персонала Академии, 2) недостаточная выявленность, а иногда и отсутствие, занятий вопросами марксизма и социологии как основной части программы»³⁵. Совет постановил: «...принять во внимание при дальнейших работах аспирантов»³⁶. Представляется, что в данном случае нельзя говорить о том, что это была инициатива Н. Я. Марра. Вероятнее всего, он был транслятором директив, полученных сверху. Во всяком случае, двумя годами позже Ленинградский Научно-исследовательский институт методологии марксизма направил в Академию циркуляр, в котором просил сообщить сведения для организации Институтом занятий по методологии марксизма для аспирантов³⁷.

Власть прекрасно осознавала всю важность создания по-настоящему новых научных кадров, которые должны были прийти на место «классово чуждых» «буржуазных» специалистов старой формации. Отметим, что тот же Н. Я. Марр активно этим пользовался — среди его учеников оказывались как перспективные молодые ученые, так и люди в науке случайные, зачастую использовавшие созданную им яфетическую теорию для построения собственной карьеры³⁸. Иногда комплименты Н. Я. Марру из уст молодых и не особо искушенных в лингвистике сторонников приобретали форму гротеска. В частности, в 1926 г. аспирант Института языка и мышления Н. Золотов в статье «Марксизм и яфетидология» сравнил яфетидологию с «Капиталом» К. Маркса, полагая, что их объединяет не только значение, но и долгая и трудная, но победная борьба за признание³⁹. Заканчивалась статья пафосной фразой: «Пожелаем же молодой, развивающейся

³⁴ Фриш С. Э. Сквозь призму времени. СПб., 2009. С. 62.

³⁵ Протокол заседания Совета РАИМК от 1 ноября 1926 г. // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (РО НА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 1 (1926). № 6. Л. 16 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Журнал заседания Правления ГАИМК от 30 апреля 1928 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 7. Л. 35 об.

³⁸ Подробнее см.: Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 56.

³⁹ Золотов Н. Марксизм и яфетидология // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (СПбФ АРАН). Ф. 77. Оп. 3. № 24. Л. 22.

теории пышного расцвета и победы. Она должна победить, потому что на ее стороне правда»⁴⁰. Таким образом, можно утверждать, что идеологическая работа с аспирантами, особенно обладавшими низким уровнем подготовки, но крайне заинтересованными в построении научной карьеры, приносила определенные плоды.

В процесс одобрения кандидатуры аспирантов могла включиться студенческая группа предметной комиссии, например выступить против, потому что кандидат мог не удовлетворять «принципам пролетаризации ВУЗ (духовное происхождение, оторванность от студенческой массы, отсутствие практического стажа)». Так случилось в Казанском университете в 1925 г. с математиком и будущим членом-корреспондентом Академии наук СССР Н. Г. Четаевым. Но профессора представили доводы в его защиту, и в результате студенческая группа решила воздержаться при голосовании⁴¹.

Возрождение и идеологизация: возврат к защитам с новыми чертами

Согласно постановлению ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об ученых программах и режиме в высшей школе и техникумах» вся подготовка аспирантуры сосредоточивалась «в наиболее мощных втузах и вузах, прикрепив каждого аспиранта к кафедре, установив для аспирантов систематические научные задания и обеспечив уже в 1933 г. для каждого аспиранта индивидуальный учебно-производственный план работы, введя обязательность сдачи зачетов, а перед окончанием — защиту научной диссертации». Срок обучения устанавливался в пределах 2–3-х лет в зависимости от специальности. Также признавалось необходимым установление ученых степеней⁴². Термин «научный руководитель» еще не получил широкого распространения, обычно говорилось о профессоре, под руководством которого работает аспирант, или профессоре, ведающим подготовкой⁴³.

Восстановление ученых степеней было непосредственно связано с возрождением элементов старого университета: ряда факультетов, кафедр, отказа от идей узконаправленности технического образования и т. п. Законодательно защиты были восстановлены в 1934 г. после принятия постановления «Об ученых степенях и званиях». Вводилось два вида ученых степеней — кандидата и доктора наук. Получение обеих подразумевало подготовку и публичную защиту работы. При этом степень доктора можно было получить без защиты, если

⁴⁰ Золотов Н. Марксизм и яфетидология. Л. 22.

⁴¹ Ответ студенческой группы физико-математического факультета на запрос Правления университета, 19 декабря 1925 г. // Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р1337. Оп. 3. Д. 53. Л. 64.

⁴² Об ученых программах и режиме в высшей школе и техникумах // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1932. Отд. 1. № 68. Ст. 409. С. 674.

⁴³ Сведения об аспирантах КГУ (по дисциплинам, курсам), профессорах, ведающих подготовкой аспирантов по специальностям [около мая 1933 г.] // ГАРТ. Ф. Р1337. Оп. 3. Д. 53. Л. 42–42 об.

претендент был известен «выдающимися научными трудами, открытиями или изобретениями»⁴⁴.

Как и в дореволюционных условиях, ученый мог самостоятельно выбирать, в каком учреждении из имевших на то право он будет защищаться. В них для рассмотрения работы создавалась комиссия, состоящая из трех человек: председателя, рецензента и главы структурного подразделения (кафедры, отдела и пр.). В случае одобрения работа поступала в совет, где организовывался диспут, на что давалось два месяца. Диспут был публичным. Вероятно, важнейшим отличием от дореволюционной эпохи было присутствие на нем представителей партийных организаций.

Процесс диспута стал более регулируемым. Сначала шло выступление претендента, затем оппонентов, а потом могли выступить все желающие. После этого оглашалось заключение совета, которое затем уходило на рассмотрение в вышестоящие инстанции.

Постановления СНК «Об ученых степенях и званиях» 1937 и 1938 гг. вносили в документ 1934 г. некоторые коррективы, например фиксировали, по каким отраслям науки можно присуждать степени. Также они, по замечанию Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришиной, формализовывали и убыстряли процедуру защиты, в частности за счет сокращения числа обязательных экземпляров и срока рассмотрения. Именно с этого времени важнейшую роль стала играть Высшая аттестационная комиссия, куда отправлялись решения советов⁴⁵. Кроме этого, четко прописывались некоторые моменты, например, что научный руководитель не может быть оппонентом, диссертант должен был предоставить не менее трех экземпляров работы и распечатать тезисы (речь идет о машинописных экземплярах). Расширился состав комиссии, проводящей экспертизу⁴⁶.

Мнения специалистов относительно последствий новой процедуры различны. В частности, можно встретить рассуждение о том, что это свидетельствовало о признании высокого уровня подготовки специалистов в дореволюционную эпоху. Одновременно, что возможность получения степени без защиты существенно девальвировала ценность статуса ученого как такового⁴⁷. На это указывали и современники. Так, в 1935 г. С. А. Жебелёв писал о существующей угрозе — «как бы возрождение ученых степеней не повлекло за собою их вырождения в нечто такое, что несовместимо с понятием науки, для поднятия и усовершенствования которой ведь степени собственно и существовали

⁴⁴ Постановление СНК СССР от 13 января 1934 года № 79 «Об ученых степенях и званиях» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. № 12. 14 янв. С. 63–66.

⁴⁵ Постановление СНК СССР от 20.03.1937 № 464 «Об ученых степенях и званиях» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1937. Отд. 1. № 21. Ст. 83. С. 176–182.

⁴⁶ См.: О порядке применения постановления СНК СССР об ученых степенях и званиях от 20 марта 1937 г. // Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1937. № 13. С. 3–7; Мамонтова М. А., Соганова Е. Ю. Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930–1970-е гг. // Мир историка. Вып. 9. Омск, 2014. С. 155–156.

⁴⁷ См.: Мамонтова М. А., Соганова Е. Ю. Указ. соч. С. 151–152.

и должны существовать»⁴⁸. Важно отметить, что увеличилось число организаций, получивших право присуждать степени, — различные институты, академические учреждения и пр.

В. С. Парсамов и А. В. Шалаева указывают на то, что с созданием ВАК государство становилось «главным, если не единственным заказчиком научных разработок»⁴⁹. Помимо этого, на основании изучения материалов фонда ВАК в ГАРФ они отмечают, что «критерии аттестации были довольно сложными и никогда не артикулировались в полном объеме», а решающую роль могли играть совсем неочевидные факторы, как, например, рекомендация авторитетного в глазах комиссии лица⁵⁰. Основным отличием стало то, что диссертацию не надо было публиковать. Это снижало степень ее публичности, хотя внешне создавалось впечатление, что она возрастает.

Значительному проценту ученых после возвращения к практике присуждения ученых степеней они были присвоены без защиты. Как отмечалось в литературе, прямой корреляции между лояльностью к власти и обретением ученого статуса в переходный период (1934–1936) путем утверждения ВАК в ученой степени без защиты диссертации не наблюдалось, абсолютное большинство новых кандидатов и докторов наук являлись беспартийными, а принцип лояльности и заслуг перед советской властью учитывался, прежде всего, в процессе присвоения в этот период ученых званий лицам без соответствующих степеней⁵¹. Однако в ряде случаев, в особенности в области социальных наук, процесс присвоения ученых степеней можно рассматривать как способ отсева неугодных или недостойных, с точки зрения власти, и, наоборот, форсирования насыщения вузов преданными ей людьми. Например, среди трех докторов наук на историческом факультете Ленинградского университета в 1935 г. помимо О. А. Добиаш-Рожественской и Е. В. Тарле оказался молодой 35-летний декан Сергей Митрофанович Дубровский, которого, впрочем, арестовали по обвинению в троцкизме уже осенью следующего года. Ему степень доктора была присвоена без защиты⁵². А подвергавшемуся репрессиям М. Д. Присёлкову, освобожденному в конце 1935 г., удалось защититься только в 1939 г., уже будучи заведующим кафедрой истории СССР. Это событие историк А. Г. Маньков в своем дневнике описал следующим образом: «Собралась масса народу, много со стороны... Сам он, переодетый из вечного френча в пиджак, длинный и старомодный, — произнес вступительное слово, изумительное по силе, правде, глубине, теплу и стилю. Началось с того, что зачитали его биографию. Но едва ли не все присутствующие знали биографию полнее и глубже и знали как раз то, что в тексте, предназначенном к “делу”, было намеренно опущено: именно то, что при советской власти он

⁴⁸ Жебелёв С. А. Указ. соч. С. 169.

⁴⁹ Парсамов В. С., Шалаева А. В. ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы: Итоги и перспективы изучения: препринт. М., 2014. С. 15.

⁵⁰ См.: Там же. С. 21, 26.

⁵¹ См.: Долгова Е. А. Рождение советской науки... С. 215–217; Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 гг. // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–159.

⁵² См.: Доктора и кандидаты наук Ленинградского государственного университета имени А. С. Бубнова // Ленинградский университет. 1935. 31 дек. № 35. С. 4.

вместе с Платоновым сидел в Соловках целых восемь лет. <...> Все были крайне возбуждены, зал стонал от аплодисментов... М. Д. плакал. Это был час торжества науки, человечности, истины»⁵³.

Выстраивалась новая иерархия, ставшая компромиссом между старой интеллигенцией и режимом. Первой предоставлялось определенное пространство автономии в рамках диспута. Это было тем более вынужденной мерой в ситуации низкого качества работ «красных» гуманитариев и идеологических кампаний, когда вчерашний триумфатор битвы за марксизм оказывался врагом и аутсайдером. Показательной в данном случае была история одного из партийных активистов исторического факультета Ленинградского университета, культпропа парткома Д. А. Марголиса. Его попытка защититься окончилась грандиозным скандалом с обвинениями в том, что он пытался «протащить под видом диссертации самый беззащитный плагиат (да к тому же частично плагиат из “произведений” врагов народа)»⁵⁴. Сам диссертант был вынужден признаться в «легкомысленном отношении к диссертации»⁵⁵. Здесь важно отметить то, что ключевой причиной разгрома работы стал не столько плагиат, сколько неверно занятая им политическая линия, выбор неверного идеологического ракурса.

* * *

Подводя итоги нашим наблюдениям, следует отметить, что несмотря на внешнее сходство системы дореволюционных и советских защит, они весьма существенно различались. Сходство сохранялось в ритуалах публичной защиты и в том, что присвоение степеней по-прежнему играло роль стимула развития научной карьеры и регулировало деятельность научного сообщества. Различие состояло в том, что значительная часть полномочий, связанных с этим регулированием, у научного сообщества изымалась. Во-первых, возникала фигура научного руководителя, ответственного за профессиональное качество и идеологическое содержание работы. Во-вторых, процесс так называемой предзащиты (где по-прежнему принимались основные решения о судьбе работы) перестал быть исключительно корпоративным делом профессорской коллегии: с одной стороны, на предзащиту диссертации допускался сам диссертант и научный руководитель; с другой стороны, решение вопроса о допуске к защите во многом зависело от административного работника, руководившего этой процедурой. В-третьих, диссертация, по существу, стала закрытой для широкой публики, а диспут в значительной степени утратил черты театрального представления, которое давала университетская корпорация для общества. В-четвертых, создавался государственный административный орган (ВАК), контролирующий/утверждающий решения ученых/диссертационных советов, при этом на всех этапах процедуры защиты присутствовал идеологический контроль за содержанием работы. В данном контексте из корпоративного ритуала, ограждавшего

⁵³ Маньков А. Г. Из дневника 1938–1941 гг. // Звезда. 1995. № 11. С. 178.

⁵⁴ С. Л. Улучшить работу ученого совета истфака // Ленинградский университет. 1940. № 4 (402). 13 февр. С. 2.

⁵⁵ Х. Ш. Об одной «диссертации» // Ленинградский университет. 1940. № 5 (403). 19 февр. С. 4.

академическую автономию научного сообщества в дореволюционный период, присуждение степеней превращалось в средство контроля над ним и инструмент государственной политики. Однако это превращение никогда не было и не могло быть полным, чему препятствовала сама природа научного знания и науки как социальной практики, по определению обладавших известной степенью автономии. В этом смысле изучение истории советских защит — благодатное поле для исследования столкновений идеологического и научного дискурсов в условиях тоталитарного режима.

Список литературы

- Алеврас Н. Н. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 337–354.
- Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.
- Гришина Н. В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг.: становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина) // Харківський історіографічний збірник. 2014. № 13. С. 50–59.
- Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.
- Долгова Е. А. «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П. А. Сорокина в 1922 г. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П. А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М., 2016. С. 254–258.
- Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е годы. М., 2020.
- Емельянов Б. В. Питирим Сорокин и его диссертация по социологии: Историко-философский очерк // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 161–168.
- Иванов А. Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.
- Клюев А. И. Из истории одной книги: Н. П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 249–270.
- Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 гг. // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–159.
- Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х гг. // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М., 2014. С. 540–637.
- Мамонтова М. А., Соганова Е. Ю. Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930–1970-е гг. // Мир историка: историографический сборник / отв. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычков. Омск, 2014. Вып. 9. С. 146–175.
- Парсамов В. С., Шалаева А. В. ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы: Итоги и перспективы изучения: препринт. М., 2014.
- Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008.
- Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 452–472.
- Цеховой Н. П. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е — 1991 г.): региональный опыт. Томск, 2016.
- Fitzpatrick S. The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917–1921. Cambridge, 1970.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta.
Seriia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2024. Vol. 117. P. 101–116
DOI: 10.15382/sturII2024117.101-116

Evgeny Rostovtsev,
Doctor of Sciences in History, Associate Professor;
Leading Researcher,
National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia;
Professor, St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
eugene.rostovtsev@gmail.com
orcid.org/0000-0002-5833-448X

Ilya Sidorchuk,
Doctor of Sciences in History, Associate Professor,
Senior Researcher,
National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia;
Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russia
chubber@yandex.ru
orcid.org/0000-0001-9760-2443

ON THE WAY TO A NEW CORPORATE IDENTITY: DISSERTATIONS IN THE EARLY SOVIET PERIOD*

E. ROSTOVTSSEV, I. SIDORCHUK

Abstract: The article is devoted to the defense of doctoral theses during the period of their legislative abolition, i.e. from 1918 to 1934. It focuses on the reasons for the preservation of rituals of dissertation defense in new conditions, the features of their organisation, the reasons for the gradual return to official practices of awarding degrees and, finally, the most important differences between the defense procedures of the 1930s and of the pre-revolution period. The source base is made up of archival materials of a number of Soviet universities and academic institutions; it also employs various academic ego-documents and periodicals, which made it possible to reconstruct the defense procedure during the period under review. In addition, legislative sources regulating the procedure for preparation of Soviet researchers and, in particular, awarding academic degrees were actively involved. It is concluded that the similarity between the pre-revolution and Soviet defenses was mainly superficial. Awarding degrees still remained an incentive for an academic career, but a significant part of rights associated with its regulation was withdrawn from the academic community. The process of “pre-defense”, where the main decisions on the fate of the dissertation were made, ceased to be exclusively a corporate matter of the professorial board. In addition, ideological control over the content of the thesis appeared. Another important difference was that the thesis, in essence, became closed to the public, and the dispute largely lost the features of a theatrical performance that the university corporation gave to society in the previous period. As a result, awarding degrees transformed into a means of controlling the academic community and an instrument of state policy, whereas in the previous

* The study has been funded by Russian Science Foundation, grant № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>.

period it was a corporate ritual that protected the academic autonomy of scholars. At the same time, this transformation was not complete, it was impeded by the nature of science as a social practice, which continued to have a certain independence from the social and political regime.

Keywords: history of higher education, Petrograd/Leningrad University, thesis defense, university culture, history of science, anthropology of science, Sovietisation of higher education, scholars and state authorities.

References

- Alevras N. (2022) “Doktorskaia dissertatsiia v sovetskoii dissertatsionnoi sisteme: opyt zashchit v 1930-kh — nachale 1940-kh godov”. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, no. 3, pp. 337–354 (in Russian).
- Alpatov V. (1991) *Istoriia odnogo mifa: Marr i marriзм*. Moscow (in Russian).
- Dolgova E. (2016) ““Nachinaiu khodataistvo o vyezde za rubezh...”: o planakh P. A. Sorokina v 1922 g.”, in P. A. Tribunskii (ed.) *Rossiiskoe nauchnoe zarubezh'e: liudi, trudy, institutsii, arkhivy*, Moscow, pp. 254–258 (in Russian).
- Dolgova E. (2020) *Rozhdenie sovetskoii nauki: uchenye v 1920–1930-e gody*. Moscow (in Russian).
- Dvornichenko A. (2001) *Vladimir Vasil'evich Mavrodin. Stranitsy zhizni i tvorchestva*. St. Petersburg (in Russian).
- Emel'ianov B. (2017) “Pitirim Sorokin i ego dissertatsiia po sotsiologii. Istoriko-filosofskii ocherk”. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 3: Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 12, no. 4 (170), pp. 161–168 (in Russian).
- Fitzpatrick S. (1970) *The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917–1921*. Cambridge.
- Grishina N. (2014) “Dissertatsionnye disputy kontsa 1920-kh gg.: stanovlenie novykh distsiplinarnykh normativov (na primere disputov N. M. Druzhinina i A. I. Neusykhina)”. *Kharkiv'skii istoriograficheskii zbirnik*, 2014, vol. 13, pp. 50–59 (in Russian).
- Ivanov A. (2016) *Uchenoye dostoinstvo v Rossiiskoy imperii. XVIII — nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaia attestatsiia professorov i prepodavatelei vysshei shkoly*. Moscow (in Russian).
- Kliuev A. (2011) “Iz istorii odnoi knigi. N. P. Ottokar i ego kniga ‘Florentiiskaia kommuna v kontse Dvudzhento’ v kontekste epokhi”. *Dialog so vremenem*, 2011, vol. 34, pp. 249–270 (in Russian).
- Kozlova L. (2001) ““Bez zashchity dissertatsii...”: statusnaia organizatsiia obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935 gg.”. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2001, vol. 2, pp. 145–159 (in Russian).
- Kumpan K. (2014) “Institut istorii iskusstv na rubezhe 1920-kh — 1930-kh gg.”, in *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade*, Moscow, pp. 540–637 (in Russian).
- Mamontova M., Soganova E. (2014) “Transformatsiia normativnoi storony ‘dissertatsionnoi kul'tury’ v SSSR v 1930–1970-e gg.”, in V. P. Korzun, S. P. Bychkov (eds) *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik*, Omsk, vol. 9, pp. 146–175 (in Russian).
- Parsamov V., Shalaeva A. (2014) *VAK i problemy nauchnoi attestatsii v SSSR v 1930-e gody. Itogi i perspektivy izucheniia: preprint*. Moscow (in Russian).
- Rostovtsev E., Sidorchuk I. (2023) “Modeli dissertatsionnoy zashchity ot poreformennogo universiteta k sovetskomu (na primere Sankt-Peterburgskogo universiteta)”. *Nauchnyi dialog*, 2023, vol. 12, no. 10, pp. 452–472 (in Russian).
- Tsekhovoi N. (2016) *Podgotovka nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v SSSR (1920-e — 1991 gg.): regional'nyi opyt*. Tomsk (in Russian).

Статья поступила в редакцию 22.11.2023

The article was submitted 22.11.2023